

В его биографии есть все, что нужно для сюжета увлекательной повести. Собирался стать пастором, поступил в духовную семинарию... Но окончил философский факультет университета, преподавал марксизм, был одним из основателей знаменитого не только в ГДР Октябрьского клуба. Сейчас в ГДР с трудом можно найти — магия телевидения — человека, не знающего Райнхольда Андерта, который сам пишет слова и музыку и исполняет свои песни.

Вид у него совсем не артистический. Строгие глаза за стеклами очков, небрежная прическа, потертая куртка, накинута на простую майку. Впрочем, певцы этого жанра, который чаще всего называют жанром политической песни, одеты подчеркнуто буднично. Они выходят на эстраду не развлекать, не веселить. Для них важно не как, а что они поют. Андерт среди них — не исключение. И когда на празднике газеты австрийских коммунистов «Фольксштимме» к нему подходил фоторепортер, он не приглаживал волосы, не принимал впечатляющей позы.

...Хуже времени для первой встречи и придумать было нельзя. Он сбежал с эстрады под не очень бурные аплодисменты и сердито закинул гитару в чехол, который никак не желал застегиваться. Это не было проваком, но и огромным успехом тоже не было. Что скажешь в таком случае человеку? Я пробормотала нечто невнятное на тему о том, что и сцена не основная, и о выступлении в программе не было объявлено. Вот завтра на основной сцене...

— Чушь, — прервал меня Райнхольд Андерт, который, как я поняла сразу, не очень много внимания уделяет изысканной форме беседы. — Впервые, я всегда хуже выступаю на открытой сцене, а завтра она еще больше будет. Во-вторых, сам виноват — не надо было брать песни на наши внутренние темы. Впрочем, — чехол наконец-то застегнулся, — нам заранее надо с этим считаться.

— Вы имеете в виду исполнителей политических песен?

— Я говорю о тех, кто использует в своем творчестве внутренние события, критикует явления, понятные людям, живущим в этой стране.

— Разве сатира, в том числе и политическая сатира, всегда локальна?

— Конечно, нет. Это, простите меня, школьная истина. Но все на свете относительно. Вряд ли я могу назвать локальными явления, которые волнуют, тревожат или раду-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ЕГО ПЕСНЯ-ОРУЖИЕ

ют всю мою страну. Но, когда я выезжаю за границу, они для определенной части публики становятся локальными. Я недавно выступал в ФРГ. В Бремене, например, была «своя» аудитория: молодые коммунисты, члены молодежного коммунистического союза. Они пели вместе со мной. И это не только потому, что там вышла моя пластинка. Я пел для друзей. Помогало их знание нашей жизни, наших проблем, наших забот и достижений. В обычной, как мы говорим, бюргерской, аудитории меня всерьез не воспринимали. В ФРГ мне стало ясно: мы говорим на одном языке, но нам уже трудно понимать друг друга.

— Очевидно, то же самое происходит с западногерманскими певцами этого жанра, когда они приезжают в ГДР?

— Нет! Представьте себе — нет. Известный западногерманский поэт и исполнитель своих песен Зюверкруп говорил мне, что по ходу песни о политике западных социал-демократов наши зрители смеялись в тех же самых местах, что и западная аудитория, и аплодировали после тех же рефренов.

— Следовательно, «теория непонимания» оказалась географически ограниченной?

— Видите ли, проблему можно взять шире, чем понял или не понял твою песню слу-

шатель ФРГ. Нас ведь разделяет не только граница, но и нечто большее: мы живем в разных мирах, мы думаем уже по-разному. У нас — иные идеалы, иные цели, иные ценностные измерения. Если же говорить о выступлениях моих собственных и моих коллег... «Среднестатистический» слушатель, молодой житель ГДР политически более образован, читает и знает о своем соседе больше, чем

честие. Не случайно в капиталистических странах нет и, думаю, не может быть подобного.

Так вот, однажды я написал статью в студенческую газету. Мне казалось, что мы в песне слишком увлекаемся оптимистическими темами, слишком довольны собой. Редактор сказал мне: хорошо, я напечатаю статью, но критиковать всегда легко. А где альтернатива, где другие пес-

ни? Кто их будет писать? Я разозлился и за ночь написал слова к моей первой песне — «О классовой борьбе».

— И дальше?

— Тогда редактор выслушал меня и сказал: очень плохо. Песню я напечатаю тоже. Но петь ты, конечно, не можешь. С твоим голосом можно кур считать. Но петь — нет, извини.

Но я продолжал не только писать слова и подбирать музыку, но и выступать. Мне казалось, что свои слова я сам лучше донесу до слушателя. Слушатель, как выяснилось, выдержал.

— Я знаю, что у вас большой репертуар. Какие песни особенно любимы вами?

— Когда стало известно об освобождении Сайгона, я написал песню за два часа. И на следующий день на демонстрации 1 Мая репродукторы гремели: «Все — на улицу, сегодня Май. Сегодня Май, Сайгон ист фрай». И люди на улице подхватывали: «Сайгон освобожден, сегодня Май». Я не знаю, самая ли это удачная песня, но я был горд и счастлив. Наверное, то волнение и радость, что я испытывал, работая над ней, мне удалось вложить в слова, в музыку. Создать песню, которую поют на улицах на следующий день, огромная удача для политического певца, ибо песня — это его оружие.

— Вы продолжаете писать песни?

— Видите ли, мне стали узки рамки этого жанра. Я написал пьесу, книгу для детей, работаю над текстом по-оперы.

Я переспросила, не слышав: «Над поп-оперой?». А Райнхольд, приняв мой вопрос за выражение удивления, пошел в атаку:

— Да-да, над поп-оперой. О молодежных проблемах, кстати. Между прочим, лучшая под-группа, которую я знаю, — западногерманская «Фло-де-колонь» после концерта раздает анкеты для вступления в коммунистический союз молодежи. И вступают сразу человек по 30. Мы не должны шарахаться в ужасе: «Ах, эта поп-музыка», — а попытаться заставить ее работать на нас, подчинить своим целям.

— Что в конечном счете и делает, скажем, католическая церковь, устраивающая концерты поп-музыки для молодых прихожан.

Вот тогда Райнхольд заметил, что ему не надо со мной спорить, и обрадовался, обрета единомышленника.

— Буржуазное искусство, конечно, существует. Но нельзя все виды искусства, которыми пользуется буржуазное общество, считать буржуазными. Мы должны не обороняться, а наступать. Быть всегда в обороне — удел слабых. Иногда мне говорят: почему ты пишешь столько критических песен? А я отвечаю: «Силен тот, кто может над собой смеяться». Мы в ГДР очень сильны, если можем сами смеяться над своими ошибками.

— Мы опять вернулись к песне. Значит, все-таки, несмотря на либретто к по-опере и песни, — песни?

— Да, — улыбається Райнхольд. — Конечно, песни. От этого я уже не уйду. И если завтра радио передаст о победе товарищей в другой стране, я уже через пять минут сяду за письменный стол.

Е. БРУСКОВА.
(Наш соб. корр.).

Вена.